ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

XIX

Иван Житихин был уверен, что он умер со всеми. Пассажиры, летевшие с Хазарцевым, и экипаж погибли. Кто от взрыва двух «Стрел», кто от удара о землю. А тело Ивана, не пристегнутое привязным ремнем, выбросило после второго взрыва в открытый правым летчиком люк. Сначала мотало по кабине, потом обо что-то приложило, и — конец. Вот тут-то, наверное, Иван и погиб: его душа, почувствовав свободу, вышла из тела, лишь запомнились вскрики Хазарцева: «Держим! Держим!».

И он, как бы со стороны, увидел, что был тот, второй взрыв. Это рванули кессоны с керосином, от самолета отлетела часть элерона, его кинуло в сторону и стало переворачивать.

Тело Ивана вылетело в открытый люк. Оно кувыркалось в воздухе, искало точку опоры и не понимало, что произошло. Сердце беспокойно билось вне тела. «От ты мать-перемать! Ч-черт!» — родилось в Ивановой сущности в тот момент. А потом откуда-то пришла другая мысль: «Теперь ты довольна. Я освободил тебя навсегда. Будь счастлива».

На груди у него что-то щелкнуло. Сущность Ивана отметила, что прибор, ведающий автоматическим открытием парашюта, добросовестно сделал свое дело. Тотчас раздался хлопок, тело мощно встряхнуло. Сердце вернулось туда, где оно должно быть.

Он увидел себя со стороны плавно спускающимся на парашюте к земле. Только так не бывает! Человек не может видеть себя со стороны, а значит, он мертв, как и все. Ведь нет же ни чувства тела, ни струящегося вокруг воздуха. И боли нет.

Да и видел он сверху не только часть земли, как всегда, при прыжке с парашютом. Перед ним весь земной шар, окруженный голубым воздухом, таким, какого раньше никогда не видел. Зрение сущности Ивана было настолько обостренным, что рассмотрело, как с одной из вершин сбегал тот, кто сбил самолет. Нуристанка*** далекой точкой спешила туда, где упали сгоревшие обломки самолета. Сущность

** Янтак — верблюжья колючка.*

*** Публикуется в сокращении.*

**** Нуристанка — головной убор.*

профессионально запоминала контрольные ориентиры, чтобы тоже бежать к искореженной груде дюраля. Только одно обстоятельство удивляло: почему его душа летит к земле отдельно от остальных? Если командир умер, то он где-то рядом. Где же Хазарцев? Весь экипаж, пассажиры должны быть с Иваном. Где они?

Раскаленная капля солнца прожигала насквозь ущелье и зыбкий горизонт. Тихо в горах. Так тихо, что тонко звенит вокруг. Иван, спускаясь, слышал этот звон. Затем увидел, как ноги коснулись земли, и задом рухнул на ранец парашюта, там что-то хрустнуло. Ивану не до этого. Он привычно собрал в один комок купол. И сел на него. Оглушенный, вялый, сидел долго. Ослепительно белая огромная капля солнца висела над ним дамокловым мечом.

Группа Джади, оказавшаяся вблизи упавших обломков самолета, не обращала внимания на одинокого парашютиста. А может, мешал острый клин горы, за которым сразу же после взрыва скрылись обломки самолета и сущность Ивана.

Ахмад Туфани, думавший, что это он сбил самолет, тоже ничего не видел. Точнее, видел взрыв в воздухе и горящий огромный факел. Все это полетело, рассыпаясь на многие огненные брызги, к земле. Ахмад не знал, как успокоить в себе клокотавшее чувство радости, чтобы не умереть от восторга. У него получилось сбить! Слышишь, лала! По-лу-чи-лось! Три миллиона афгани он заработал! Саттар-хан обещал выплатить.

Иван видел все со стороны. Взрывы, горящий самолет, шум огня, двигавшегося из грузового отсека в пилотскую кабину, крики людей — эта ужасная картинка повторялась снова и снова. Сущность Ивана не удивлялась тому, что все повторяется. «Я живу на этом и на том свете», — пришло на ум. Наконец он встал. Надо же бежать к самолету! Кто-то же есть там живой. Только не забыть парашют — пригодится. Он терпеливо и механически собрал в ранец стропы и купол, закинул на плечо оружие. Потом где скатываясь, где рысью, стал спускаться в ущелье, чтобы идти к самолету.

Горы долго хранят звуки. И непоправимых происшествий в них не скроешь. Сущность Ивана понимала, что экипаж, пассажиры погибли. А он? Он тоже погиб вместе со всеми? Ведь не мог же он без команды покинуть самолет. Командир запрещал правому летчику открывать люк, но он ослушался. Потом Хазарцев велел закрыть, однако правый летчик вошел в ступор. Но что было дальше? Закрыл или не закрыл?

Зачем Бог отделил Ивана от остальных? Может, для того, чтобы кто-то отомстил за убиенных тому, который сбегал с горы? Да! Для этого! А потом Иван будет с экипажем. Он встретит всех своих друзей. Там его свобода.

Но сначала мстить! Сущность Ивана остановилась и присела от мгновенно охватившей дикой злости. Дрожали руки, ноги, сердце стучало невпопад. Мстить!

Кругом серо-коричневый гористый ландшафт с проплешинами мха и верблюжьей колючки. В синем небе ни облачка, ни птицы — мертвое небо, лишь откуда-то сверху тянулось к Ивану огненное жало, вонзалось и, рассыпавшись на тысячи расплавленных игл, дырявило все на своем пути, испепеляло тело изнутри и снаружи.

И снова было то же. Зачем? Зачем он один? Сущность Ивана в который раз растворилась в ярком солнечном свете. И не было ни рук, ни ног, ни самого туловища. Скорее всего, он, Иван, был фантомом, соединявшимся с землей, небом, солнцем в единое целое, легко подвешенным в их всепоглощающих недрах, подчиненным им, но не желавшим того. Лишь это живое нежелание и делало теперь его разумным.

Как раз с нежеланием подчиняться чему бы то ни было, вернулась способность к анализу. И первая серьезная мысль: «Меня пригласили похмелиться. Спасибо!»

Он видел себя окровавленным, с разодранной щекой, стоявшим на коленях с опущенной головой, руки свисали до земли, а перед ним — ранец с парашютом.

Аварийная радиостанция! Он вспомнил о ней сейчас же. Распотрошив носимый аварийный запас парашюта, нашел шестнадцать патронов для пистолета, зеркальце с отверстием посередине, свисток, емкость с водой. Еды в НАЗе* не предусматривалось. Но он и тому, что было, так обрадовался, будто для него все лежащее в ранце парашюта — неожиданность. Но радиостанция... разбита. Да, при приземлении что-то хрустнуло.

«Вот оно, похмелье до рвоты! Свисти теперь в свисток. Идиоты, лучше бы лишний патрон или сухарей вместо зеркальца да свистка положили!» — зло подумал Иван. Он постепенно осознавал, что остался в живых и теперь находится в опасности, где-то тут близко враги, которые сбили самолет. Иван забрал патроны из НАЗа, воду, все остальное, на всякий случай передернул затвор автомата.

Ивану, добравшемуся до места падения только на следующий день, из-за скалы была видна каменистая площадка, заваленная искореженными фрагментами Ан-26. Огромная куча — двигатели, листы дюраля, торчащие крылья и среди них целый-целехонький хвост. Отвесно падали мужики. Если кто-то оставался живым в самолете, какой ужас ему пришлось пережить.

Среди обломков и трупов маячит одинокая фигура того, кто, наверное, сбил самолет. Все это место показалось лобным, и тот, кто бродил среди убитых — как на ладони. Он пожиже да ниже Ивана, в нуристанке, шароварах и длинной рубахе, поверх которой костюм, на плече чадар**. Душман ходил, ища что-то.

Он это! Он сбил самолет! Душман! Так подсказывало сердце Ивану. А сущность уже представила на мгновение, как этот недоумок взял в руки ПЗРК и нажал на гашетку пуска ракеты. Самолет горел в воздухе, этот огонь и теперь полыхал в глазах душмана. Они будто кричали: «Бале! Хейли хуб!»*. Сердце Ивана едва не взорвалось, готовое разорвать грудь. Он огляделся — нет ли еще кого-то рядом с этим душманом. Иван тихо щелкнул предохранителем на автомате — готов к стрельбе.

— Повернись к смерти, сука черномазая! За каждого, кого ты убил, кого погубил, ты получишь по пуле! Я тебя, — кричала сущность Ивана, — не сразу убью! Я тебе в руки, ноги по пуле выдам и брошу так, чтобы ты сдыхал здесь, в горах!

Он задыхался от злобы, подступившей к самому сердцу. И теперь не было той силы, которая не дала бы Ивану права отомстить.

В детстве ему приходилось немало драться, в военном училище ходил на секцию бокса, рука была тяжелой. В долю секунды нарушил центровку душмана, тот рухнул мешком на землю. И только встал, Иван снова внедрил ему в скулу свой кулак. В этот раз душман подымался не так сноровисто и, выплевывая красные сгустки, примериваясь, готовился сопротивляться. Иван подождал его прыжка, снова раздался глухой удар. Обмякшее тело полетело, крепко стукнулось о землю. Ахмад больше не вставал, лежачих не бьют.

— Попритворяйся мне тут!

— Мне зовут Ахмад, мне… нэ этот… нэ венават.

Он говорил по-русски, но Ивану показалось, что плетет кровавые слова на своем языке.

— Ну, бача, молись Аллаху!

Иван поволок его к искореженному двигателю, бил курчавую голову душмана о горячий металл, пинал ногами. Голова стала сплошным кровавым месивом. Иван подождал, когда душман снова обретет память, потом схватил автомат, повернул ствол в сторону этой вражины, но на спусковой крючок нажимать медлил. В конце

---

* *НАЗ — носимый аварийный запас.*

** *Чадар — накидка.*

*** *Да! Очень хорошо!*

концов, стрелять в почти бездыханного человека не годилось. Немного подождал, пока тот очнулся.

У Ахмада сквозь щелку разбитого века затравленно блеснул зрачок — понимал: пришел его смертный час. Скрипя зубами от боли, бессилья, пытался встать хотя бы на колени. Наконец это удалось. Он повернулся лицом к Мекке, начал молиться на дари*: «Бисмиллях. Прости мою душу грешную». Иван стоял сзади и понимал, что душман обращается к Аллаху.

— Такой грех никогда не замолишь! — крикнул Иван. — Слышишь?! Твой Аллах тоже видит, что ты сотворил, не простит убийства невинных людей. Тобой пуля, и та побрезгует.

До этого Иван видел, как убивали другие и как убивали этих других. Сейчас это должен сделать он, казалось, что легко нажмет на спусковой крючок, но вдруг почувствовал наплыв тошнотной пустоты в середине груди, отчего внутри все холодело, ослабевало.

Но стоило ему поглядетъ вокруг, на то, что раньше называлось самолетом и людьми, ставших уже прахом, он почувствовал, что в нем с новой силой обозначилось остывающее было ощущение ненависти.

Ну ладно!.. Если стрелять в голову, можно промазать: слишком дрожат руки, и «дух» постоянно кланяется. Подойти поближе да в упор? Ну это уже фашизм! При такой мысли Иван сделал несколько шагов назад. Нет уж, коли куда целиться, так лучше в сердце.

Поставил «духа» к двигателю, но тот упал на колени и продолжал молиться. Иван вскинул автомат, нажал на спусковой крючок, чтобы очередь пошла поперек груди. Тр-р-р-р! Пули выкрошили из камней мелкие брызги и искры, вжикнули по металлу двигателя, но, к удивлению Ивана, не задели душмана, который целовал в это время землю.

— Хватит поклоны бить! Встать! — захрипел Иван севшим голосом.

Спина Ахмада Туфани лишь вздрогнула, но он продолжал молиться. В Иване, под сердцем, что-то лопнуло. Подскочил к «духу», поволок за шиворот по камням. С Ахмада слетели чадар и чапли**, обнажились смуглые, нечистые и без носка ступни. Пятки чертили насыпанный временем песок и оставляли за собой кривую дорожку.

— Становись туда, сука обугленная! Вот так!

Прямо стоять Ахмад Туфани не мог. Одна нога постоянно подгибалась. Смотрел левым глазом (правый затек), его постоянно заливало кровью. Ахмад вытирался грязным рукавом рубахи. Зрачок тускло, как у мертвого, не отражал свет, не умолял о пощаде, не намокал слезой. У мусульман отношение к смерти плевое: Аллах дал жизнь, Аллах взял. Иван нашел место на тщедушной груди, повел стволом автомата.

В принципе, можно было бы стрелять, но взгляд Ивана упал на ноги без обувки. Они были маленькие, почти детские, и хоть косточки считай. Он немного подождал. Потом еще малость. Ахмад лег животом на землю, не шевелился. «Стреляй!» — кричали плечи. «Чего он: умер, что ли?» — подумал Иван, подвигаясь поближе к пленному. Нет, потерял сознание. Ну и как его это… назад? Иван перевернул Ахмада, шлепнул по щеке — ничего. Шлепнул еще. Наконец тот пошевелился, но его единственный глаз оставался закрытым.

«Сильно я, видать, ему по башке надавал. Или притворяется? Сколько ему? Двадцать — двадцать четыре года? Пацан совсем», — Иван присел перед ним на корточки.

От жары, от напряжения мысли (напряжешься, коли расстреливают) Ахмад Туфани действительно впал в обморок. Теперь же все прошло, но он не торопился

** Дари — язык афганских таджиков, хазарейцев, чарайманов и некоторых других этнических групп. Один из двух государственных языков Афганистана.*

*** Чапли — афганская обувь, внешне похожая на сандалии без задника.*

подавать признаков жизни. Веселенькая перспектива — быть тут же убитым. Ему жениться надо, а тут со своим расстрелом. Но Ивана такой маневр долго не мог водить за нос. Он заметил, как подрагивало веко, устало процедил:

— Вставай, хватит жмурика изображать, — и уже без злости пнул ногой в бок.

Когда же Ахмад оказался на ногах, Иван взял его на мушку. Только не думать. Р-раз! И все! Он нажал на спусковой крючок, но тот не поддался, и выстрела не последовало. Странно. Покосился, куда это он давил, оказалось, не на спусковой крючок, а на дужку вокруг него. Растерянно посмотрел на пленного, тот, отвернувшись, плакал.

Кровавая слеза текла из единственного глаза, чертила по разбитой, покрывшейся коркой щеке ломаную стежку и, красной каплей собираясь на подбородке, капала вниз.

— Живи пока! Не могу быть тебе судьей. Кайся! Кайся сам! Перед своим богом! Может, он тебя простит! Он тебе приготовит дроги в ад!.. — Иван повернулся к останкам от самолета и от людей, еще раз ужаснулся: валялись двигатели, руки, ноги, головы — все вперемешку. Кровь запеклась на камнях, на земле. Среди всего этого хаоса возвышался киль с рулем поворота и звездой, хорошо уцелевший после катастрофы. Иван закрыл глаза:

— А вы простите меня, мужики, не могу я за вас отомстить…

Сел на землю, отсоединил спаренный рожок от автомата, передернул затвор. Неиспользованный патрон тускло звякнул по камням. Поднял его и вщелкнул в рожок. Потом нажал на спусковой крючок, пружина затвора сухо щелкнула. Рожок вставил в автомат и поставил оружие на предохранитель.

Ахмад упал на колени, затем уронил голову и, прикрыв ее руками, то ли молился, то ли потихоньку радовался, что остался жить. Только и слышно было: «Ай вай, ай вай».

Они долго сидели не двигаясь, не говоря ни слова. Да их ничто не соединяло на этом пятачке, на этом лобном месте, в ущелье, откуда каждый видел свое, размышлял о своем.

Думать было о чем. Начиналась новая жизнь, и она, как незнакомая полоса препятствий, нагоняла страху и тоски. Иван разложил ситуацию на составные. Поисковики летали вчера, он слышал вертолеты и самолет, когда шел к месту падения своей машины. Если даже обнаружили, то сегодня прилетят. А если не нашли, то искать не будут.

В Афганистане лишь сутки после катастрофы отводились на поиск и спасение экипажа. Дальше разыскивать бесполезно. Кто выживал на сбитых или потерпевших катастрофу машинах, погибал от холода в горах или попадал в плен, их уже никогда не могли найти. Пули «духов» приштопывали летчиков к земле, как заплатку.

Но надо было выживать. Иван ходил среди обломков самолета, искал ящик из-под оружия, который в самолете располагался возле термосов. Там должны быть наручники. Иногда возили пленных, и на них надевали эти «браслеты», чтобы в полете не натворили чего-нибудь. Теперь все искорежено, найти сложно. Однако Иван нашел вырванные, раздавленные термоса и ящик, кое-как вынул из него наручники. Они были с ключиком, надел их Ахмаду на руки — носи. Рации все до одной побиты. Среди камней лежали чудом уцелевшие деформированные буханки хлеба, солдатские фляжки, в них булькала вода.

Затем поискал консервы — в экипаже всегда возили ящик. Ему малость повезло, несколько банок раскатились далеко от самолета, остальные были расплющены от мощного удара. Кругом россыпью лежали патроны и гранаты. Оружия ни у кого из убитых почему-то не было. Вначале он не придал этому

значения. Возвращаясь назад, Иван случайно увидел кроваво-грязное месиво — тело солдата. Ухо! Ухо было отрезано! Иван вздрогнул от увиденного, пошел прочь, гадая: «Этот придурок поработал или здесь уже побывали другие? Тогда у него должен быть мешочек с человеческими фрагментами». Иван подскочил к Ахмаду, стал искать за пазухой, в чадаре, в нуристанке. Но ничего не было. «Где?! — кричал Иван. — Ты людей обезобразил? Где их уши? Их же родные не узнают!» Ахмад молчал, недоумевая, что хочет от него русский? Иван понял: здесь были другие, они и оружие забрали. Голова чуть не лопалась от увиденного.

От парашюта отрезал три стропы, сплел из них косичку на всю длину и концы связал в узлы, чтобы не расплеталась. Веревка пригодилась, как только пришла черно-густая ночь. Подозрительные шорохи, стрекот цикад. Он продел пленному веревку в наручники, а концы придавил валуном. Спать легли на парашюте. У Ивана палец на спусковом крючке автомата.

Иногда он впадал в забытье, снова видел себя со стороны. Ему казалось, будто ничего не случилось, все живы. Хазарцев смотрел на него с укоризной: вот, мол, ты вчера надрался, а сегодня нам лететь. Механик насмехался.

Иван выходил из забытья. «Ребята! — стонал, стиснув зубы, — как же мне жить теперь? Как жить?!» Он открывал глаза. Ахмад Туфани смотрел на него испуганно и преданно. «Боишься сволочь! Правильно! Потому что знаешь, я сдам тебя органам безопасности, а там тебя расстреляют свои», — думал Иван.

Он невольно провел рукой по лицу, желая прогнать тяжелую вялость, в которой пребывал, нащупал глубокую ссадину, проходящую по левой стороне лба, через глаз, по щеке. Откуда она? Может, о люк, когда вылетал из самолета, или замком парашюта зацепило. Все могло быть. Вон кровь засохшими полосками. Теперь шрам обезобразит лицо. Отковыривал грязно-коричневые крошки. Пленный вставал всякий раз с трясущейся челюстью, как только Иван клал руку на автомат. Потом садился, опускал голову, потому что во взгляде русского никакой злости не было, только смертная тоска.

Иван ложился на землю, казавшуюся белым, струящимся существом, поглощавшим голубое дыхание неба. Он растворялся в ней без остатка, видел в зените желтый сгусток солнца, который плавил все вокруг и плавился сам.

XX

Иван боялся, что душман убежит или, того хуже, убьет его. Он предпринимал меры предосторожности: наручники с пленного снимал только по необходимости и держал его на поводке, как пса. Ночью притворялся спящим и лежал с полузакрытыми глазами, считая звезды, вспоминал недавнее прошлое, проклинал все роковое для своей семьи.

…Пока жена отдыхала в санатории, Иван по договоренности с командованием летал только в районе аэродрома, молодежь вывозил в небо. Впрочем, как раз шла подготовка к учениям, высокие чины работали все больше по штабам. Транспортной авиации делать было нечего. На выходные Иван с Дроновым даже на рыбалку вырвались, тот как раз вернулся из командировки. Сергей летал в экипаже капитана Хазарцева механиком и дома бывал, что называется, наездами. Машу оставили с Верой.

В лесу у озера тихо. Ветки трещали в костре, дымок от варева далеко разносился. Иван снимал накипь ложкой. В ведре варились караси. Иван открыл две бутылки пива — себе и другу и улыбнулся: жена на курорте, муж — холостяк.

— Эх, все что привлекает в женщине смолоду, с годами блекнет. Да и в сексе нет витаминов. Я Верку тоже отправил бы. Только где путевку взять? Твоей, говоришь, Родин дал? Старательный мужик, этот наш бывший начштаба.

Сергей посматривал на Ивана без улыбки, спросил:

— Она у тебя когда вернется?

— Через пару недель. Как сейчас добираться будет? Летний сезон…

— Ну так там у ней первоклассный помощник — Коротаев. А здесь ты встретишь. Обоих. Причина всех проблем в Эдеме — не яблочко, а Адам и Ева, которые съели его.

Иван почувствовал, будто за шиворот полилась ледяная вода. А Дронов продолжал:

— Странная штука — жизнь. Сними руку с плеча женщины, через минуту там лапа другого мужика. И мадам на раздельном питании — завтрак с Колей, ужин — с Толей.

Иван почувствовал, как от лица отливает кровь.

— И на что же это ты намекаешь?

— Только на то, что они отдыхали в одном санатории вместе.

— Я всегда доверял Надежде, а сейчас ты что-то во мне разрушил.

— Ничего я не разрушал, а размышляю. Чего тут Пашка-то Родин из кожи вон лезет? Путевки дал обоим. Непонятно ничего.

— Чего тут непонятного? Она у него помощницей работает.

— Давай-ка повспоминаем. У меня из головы не выходит, как полмесяца назад тебя обнимал Коротаев в курилке. Этот жест панибратства он дарит только тому, от кого чего-нибудь хочет. Я тогда криво усмехнулся, а что он сказал о моей реакции, помнишь?

— Товарищ у тебя ревнивый, — ответил Иван за Коротаева.

— Вот-вот. А я ему: он не товарищ — друг. А друг не жена, на развод не подаст. Что потом произошло? — спросил Сергей.

— Он попросил посидеть с его любовницей в женском общежитии. Дескать, ему сразу две назначили свидание, а потерять обеих жалко. Уж больно хороши. И велел: объяснишь, что Коротаев улетел. Я ему посочувствовал. Он ответил, что это порядочно, что мало таких, как я, людей. И напомнил, как комэска Савватеева подсидели «непорядочные». Гена взял в секретной части штаба документ, который у него пошло украли. Коротаев тогда мне на ушко шепнул: «В такой обстановке довериться некому». Приятно было, что я для него свой.

— Святая наивность. И ты поехал?! — спросил Сергей.

— Да грех было на новой машине не прокатиться. Сразу после работы и рванули.

— А через полчаса он подъехал к нашему дому и забрал жену и дочку, — будто самому себе говорил Сергей Дронов.

— Чью жену? Чью дочку?

— Да это я так.

— Лучше молчи, если в ухо не хочешь.

Иван вспомнил, как в душе ворохнулось живая неприязнь к Коротаеву. Он вспомнил, о чем подумал тогда — о гордости, которая как достояние советской системы прививалась особо избранным. Сначала полагалось гордиться, что учишься в вузе, потом высшим образованием, должностью, начальственным кабинетом, теперь вот — гаремом. Такие у вас непременно спросят сначала, где вы учились, а уж после будут говорить либо на ты, либо на вы. И еще в обществе, где выдумывают вождей, обязательно существует престиж отдельных личностей, профессий, званий. Невозможно было Ивану, занимавшему должность начальника связи эскадрильи,

на собственной шкуре не познать угнетающее воздействие элиты. Как будто просто человеческое достоинство — это ниже, чем временно присвоенные звания и занимаемые должности…

Иван поехал с Коротаевым из мужской солидарности и, играя в женском общежитии в карты, разговаривая с деревенской простушкой, ругал себя последними словами. Она, эта девица, тоже жертва престижа. Не за обыкновенного мужика хочет выйти замуж, а обязательно за летчика. По тому, как отзывалась о «женихе», видно, что работу Коротаев провел большую.

Иван всею мощью своей натуры и обаяния помогал утвердить его авторитет. Он играл с девицей в карты и не видел, как к общежитию подъезжал Коротаев с его женой и дочкой. Придя домой, Иван никак не мог понять, что произошло. В душе было чувство вины за совершенную по отношению к жене Коротаева подлость, но он оправдывал себя тем, что отказывать товарищу по службе нельзя. Он хотел поделиться с Надеждой, мол, Коротаев такой-сякой, но не стал — не в настроении жена. По дрожащим губам, по беличьему выражению лица было видно, что не с той ноги встала поутру.

Надежда вернулась домой с крымским загаром на плечах. Иван тогда заметил, что она при встрече опустила глаза, и поиграл желваками, что-то не то, но жизнь потекла по прежнему руслу. А по городку поползли черными змейками слухи, что Надежда отдохнула с чужим мужиком. На Ивана посматривали разно: с насмешкой, сочувственно, злорадствуя. Говорили о выставке картин Коротаева, открывшейся в демонстрационном зале Красносветенска. Как это обычно бывает, Иван ни о чем не догадывался.

На Коротаева послали представление в армейский штаб, чтобы утвердить в должности командира эскадрильи, а его предшественника Геннадия Савватеева уволить за утраченный секретный документ, однако с пенсией и разрешением носить военную форму. Подполковник Савватеев радовался как ребенок, что не посадили.

Иван Житихин возвращался однажды из недельной командировки — десантировали местную дивизию «голубых беретов». Он не любил поздние прилеты: шарахайся среди ночи по городку, буди семью. У соседа Дронова свет. Серега, наверное, разминается бормотухой, но еще не «в нулях»: песни «Эх, дороги, пыль да туман» нет. Иван зашел к нему узнать новости. Дронов был трезв, но тотчас, воровато доставая бутылку, налил в рюмки. Выпили.

— Слышал новость? — прокашлял Дронов, закусывая.

— ДСЧ говорил. Гену жаль, хороший мужик, командир будь здоров.

— Переживем, если от донжуанства Коротаева не сгинем. Так вот, новая метла, знаешь, как к власти пришла? Документик-то секретный не без этой самой новой метлы куда-то делся. Она его, видать, замела.

Ивану почему-то хотелось верить, что так и было. Он не совсем тогда понимал, откуда в нем злость на Коротаева, но сказал другое:

— Не усложняй простых вопросов. Новая метла по-новому метет, а как сломается, так в углу валяется. Некоторые из-за карьеры друг дружке головы готовы откусить. Куст сирени тоже деревом себя мнит, но только запах от него и больше ничего.

— Документик-то секретный, после того как Коротаева утвердили, в туалете нашли порванным. Клочки не все в очко улетели, а упали на перекладину. Солдаты чистили там, принесли в секретку. Ты стал бы его туда бросать? Значит, бросил тот, кто добивался своего.

— Новости из пропасти… Слава богу, что мне из-за карьеры не надо никому голову откусывать, не то я перестал бы уважать себя.

Выпили по второй. Дронов сменил тему разговора, кисло спросил:

— Знаешь о том, что экипажу Хазарцева предлагают командировку в Туркестанский военный округ? В Афган полетим служить. Приказ заготовили, сегодня анкеты заполняли, меньше чем через месяц, думаю, отчалим. Представляю, что скажет Верка.

— Ты возьми да откажись или перейди от Хазарцева, — предложил Иван.

— Да как оторвешься от экипажа?

— Ну тогда придется ехать.

— Верка вырвет мне кадык. Помнишь, как мы с тобой хорошо погуляли в кафе на день авиации, а потом решили протрезветь. В два часа ночи я звоню в городскую баню: «Работаете?» «Да», — говорят. «Так мы сейчас приедем?» — «Приезжайте». Мы ловим такси, добираемся. В бане снова спрашиваю: «Работаете?» Дружно отвечают: «А как же!» — «Так мы раздеваемся?» — «Раздевайтесь, только воды нет». Я Верке все это рассказал, она вместо улыбки обозвала нас всяко. Сильно серьезная баба, лишняя улыбка для нее мучение. Таких люлей мне тогда отписала за поздние гулянки. Теперь не знаю даже, как сказать.

— Афган — это серьезно. Помнишь, Курочкин как погиб? Пакистанский летчик с F-16 долбанул ракетой «воздух-воздух», наши мужики сгорели в воздухе. Как представлю факел, будто лезвием по сердцу. А Курочкину даже памятной доски не открыли на аэродроме.

— Радостные вещи ты говоришь перед моей поездкой на войну. Не хочу доску. Я все больше убеждаюсь, что в военной жизни главное — быстрее уйти на пенсию. Чем дольше полет, тем сильнее хочется на землю.

В коридоре раздались шлепки ног по полу. Дверь в кухню скрипнула, вбежал шестилетний сын Дроновых Бориска. Совершенно голый, этакий толстячок с брюшком и со складочками на запястьях. Глянул на Ивана ясными глазами.

— Ты, дядь Вань, обещал меня взять с собой, а все не берешь.

— Во-первых, перестань стриптиз устраивать, ходишь нагишом, а вдруг женщины, во-вторых, подрасти, а то как в самолет залезешь? Туда высоко подыматься по стремянке надо.

— Меня мамка раздела, мыть потому что, — вразумил Бориска, встал на цыпочки в доказательство своей взрослости, достал со стола кусок торта и взахлеб добавил: — Я уже на гараж лазил. Оттуда аэродром видать. Так красиво, когда самолеты ездят.

— Ага. И в связи с земным тяготением резко и несанкционированно потерял высоту, — сказал Сергей. — Асфальтную экзему заработал. Гляди у меня! Видел, где шланг висит?

Пацан нахмурился: шланга от стиральной машинки он боялся пуще всего.

— Это потому что я поскользнулся на крыше.

— О, ты вправду подрос. Придется брать, — Иван пошлепал Бориску по мягкому месту.

Из глубины ванной комнаты сквозь шум воды донеслось:

— Куда делось это наказание? Спать пора, а он не мылся!

Бориска не стал дожидаться второго приглашения, знал жесткий нрав матери. С достоинством отправился по коридору.

— Пойду, а ты, дядь Вань, только не обмани.

— И я пойду, — сказал Иван минуту спустя.

Они выпили на посошок и разошлись.

Иван осторожно вставил ключ в дверь, та тихо скрипнула, подумал: «Надо петли смазать». Свет включил только в прихожей. И в тот момент, когда снимал шевретовую куртку, в кухне раздалась какая-то торопливая возня, от которой вздрогнул. Вдруг, как в детективном фильме, мимо него к выходу пробежал человек, прикрывая лицо рукой. Иван хотел рассмеяться, но едва захлопнулась дверь

за Коротаевым, не узнать которого трудно, следом выскочила Надежда в платье, в тапочках на босу ногу.

— Я сейчас все объясню, — начала она.

— ???

— Я объясню! Все не так, как ты подумал! Мы просто сидели.

— Дура, чего объяснять!

— Ты послушай...

— Тьфу ты! Тьфу! Дура!

Иван бросился в кухню. На столе ни бутылки, ни закуски. Что, вот так просто разговаривали? Надежда выбежала на лестничную клетку. Коротаев в застегнутом на все пуговицы кителе стоял этажом ниже и тяжело дышал, не зная куда деть трепетавшие руки. Иван даже из кухни отчетливо слышал их голоса, хотя они говорили шепотом.

— Зачем ты пришел?! Надо что-то делать! Объясни Ивану, наконец. Вернись и скажи ему. Поступи по-мужски!

— Обрети ты здравый смысл! Хочешь, чтоб он убил меня ни за что ни про что? Где он теперь? На кухне?! Может, у него пистолет! Или топором по башке... К черту! Завтра разговоры! Чего ты уставилась?..

— Замолчи, подонок!

— Я подонок?!

— А! Чудовище! — Она вернулась в квартиру.

У Ивана по лицу красные пятна, но он не собирался бить Надежду. Ему казалось, что сейчас проснется, будут стены гостиницы, художественный храп борттехника, утреннее ширканье метлы дворника на улице. Иван сел на табурет, словно через увеличительное стекло увидел кухню со шкафчиками, газовой плитой, столом и застонал.

XXII

Спозаранок Ивану снова пришли мысли о том, что поисково-спасательные самолеты и вертолеты не найдут его в серости ущелья, придется выбираться самому. Он привстал и осмотрелся вокруг. Но куда же идти? Он должен восстановить курс. Иван всегда возил в наколенном кармане карту, а компас — в нагрудном. Вот он, целехонький. Сейчас же на песчанике расстелил карту 10-километровку, придавив края камнями. Через Кабул рукой провел линию строго с севера на юг. Еще одна от столицы пошла вниз на Кандагар, получился угол. Иван, прищурив глаз, старался определить, сколько градусов, и сказал тихо:

— Значит, шли с курсом двести двадцать или двести двадцать пять градусов. Среднее между ними — двести двадцать два. Если возвращаться в Кабул, нужно отнять сто восемьдесят градусов, получится сорок два. Вот с этим курсом и пойду.

По компасу на Кабул — это туда. Но горы! Тут точный курс не выдержишь. И сколько километров до Кабула? Как ни ломал голову, времени взлета не припомнил. Вышибло!

Он откатил валун, освободив пленного.

— Доброе утро, рафик*. Вам кофе в постель или вас сначала в туалет отнести?

— Собхе шома хош. Хахеш миконам**, — хмуро отвечал Ахмад, продолжая лежать.

---

* *Товарищ.*

** *Доброе утро. Не сто́ит.*

— У, нерусь! Хош хахеш! Знаешь, чем отличается мусульманин от православного? Мусульманин женский орган не измерил, а себе отрезал. У православного с этим все в ажуре.

Наручники с Ахмада снял — пусть оправится. Иван пошел к обломкам самолета. Еще издали увидел пятна запекшейся, заветренной крови и ощутил, как мелко дрожит собственное сердце. Воля и разум больше не подчинялись, они жили в другой реальности, не улавливая последовательности происшедшей катастрофы. Иван начал вспоминать с момента, когда произошел взрыв на двигателе. Он не видел клубок огня, а только почувствовал, как мощно тряхнуло самолет, пламя перекинулось в грузовой отсек. А потом… Иван приземлялся на парашюте. Так что же, он сам выпрыгнул?! Без разрешения Хазарцева?!

Иван шел среди обломков, трупов и слышал то команды Хазарцева, то душераздирающие крики пассажиров. Заткнул уши руками, упал на колени. Неужели это сумасшествие? Не может быть! Он еще чувствует так, как раньше. Он помнит свое имя. Его родина там, на севере. Есть дом, семья... Впрочем, семьи уже нет.

Когда поднял голову, все как и было: горячая чашка неба, струящийся воздух, гранит скал, а прямо перед глазами лежат чьи-то обгоревшие руки с верхней частью обезглавленного туловища. На левой из них — часы «Кессел». У Ивана такие же, купленные в дукане. Часы на обугленной руке шли. Четко менялись цифры. Число, день недели, месяц, год — сегодняшние.

Иван смотрел на часы и думал о вечности, которая отнимает у людей их время жизни, а взамен дает себя, только уже по ту сторону бытия. У Ивана не отняла время, побрезгала. На какие муки оставила? Зачем? Что оставалось? Вон автомат, не поставить ли точку? Возможность близкой смерти решит ли что? Нет, надо идти до конца. Стиснуть до боли зубы и вперед.

Он выжидающе вглядывался в синь. Ни звука оттуда, ни силуэта самолета. Не прилетят спасатели. Иван поклонился до самой земли, шепча: «Я не виноват, что остался жив». Более суток прошло, как самолет сбит. По инструкции, при авариях и катастрофах уцелевший летный состав не должен покидать место падения самолета, но Иван более не мог здесь быть. Чего ждать?! Смерти?! Страх, боль гнали его отсюда. Прочь от жуткого запаха. Голова совсем не соображала, все казалось, что он — это некая сущность, а его давно нет. Но пленный, эти горы, разбитый самолет и те, кто отрезал уши у погибших, — все реальное. Бежать, бежать отсюда! Курс — 42! Теперь уже вряд ли прилетят спасатели.

Иван собрал в уцелевшие солдатские рюкзаки еду, воду, прикинул, на сколько хватит. Мало. На занятиях по выживанию говорили: ешь все подряд, если хочешь выжить. Но что съешь в горах? Он отрезал подвесную систему парашюта и выбросил, упаковав купол, разделил поклажу поровну, навьючил на «духа», на себя. Пошли на Кабул. Ахмад впереди, Иван сзади — на плече автомат, в нагрудном кармане слева пистолет, в «лифчике» — гранаты, патроны, четыре набитых рожка. Груз к земле тянет.

Часа через четыре устроили привал. Он ел сам и дал хлеба с тушенкой Ахмаду, который проглотил это как собака муху.

В долине стояла обеденная прожаренная тишина, не вызывавшая ничего хорошего, кроме головной боли. Иван вслушивался внимательно, до звона в ушах. Ругал тишину, сравнивал с болью чирья: чем дальше, тем нестерпимей ноет, пока не прорвется. Он ждал звука секущих воздух лопастей, рокота турбин. А уж обозначить себя сумеет. В наколенном кармашке на камуфлированных штанах ракетный патрон. Только вынь, подними над головой да дерни за шнурок. Ракету увидят из самолета.

Ахмад ни слова не сказал, что припрятан мотоцикл, на котором можно за четыре часа доехать до города. Правда, еще полсуток идти до него в обратную сторону, чтобы взять из тайника. Он надеялся, что русский потеряет бдительность, тогда можно завладеть оружием и поговорить по-мужски. С автоматом это легко. За летчика тоже деньги можно получить.

Снова шли. Иван вспоминал прошлое. Летный гарнизон в Красносветенске с самолетом на пьедестале, прокаленные солнцем дома и встреча с Дроновым. Это было после приезда жены из санатория. Дронов пригласил Ивана в городской выставочный зал, пообещав удовольствие. Поехали на автобусе. Потом были стеклянные двери вестибюля, поворот налево в выставочный зал, а там на самом видном месте — портрет сидящей на камне нагой женщины. Ивана будто высокочастотная искра прошила, он тотчас узнал свою жену. И не до оценки художественных особенностей картины, в глаза бросались детали, которые компрометировали жену. В сюжете и в жизни у Надежды в интимных местах были родинки. Таких совпадений не бывает. Ивану догадываться не надо, кто написал этот библейский сюжет. Был скрежет зубов. Выбеленная временем старушка обернулась и сказала:

— Символ женской красоты, не правда ли, молодой человек? Хороша Магдалина!

Житихин вышел из зала, опустив голову, будто уличен в постыдном. Дронов — за ним, протягивая некурящему Ивану сигарету. На улице пыхали дымком, долго стояли молча.

— Поверь, я не знал, что здесь твою демонстрируют. Не, правда. Ну зачем не веришь?

— В гарнизоне, поди, знают? — Иван кашлял и прятал глаза от едкого дыма.

— Эта экспозиция открыта со вчерашнего дня. Мне замполит велел посмотреть.

— Господи!

— Сука, как же точно изобразил. Ну и что, башку ему оторвать? Гад! Убил бы!

— Не лезь! — жестко велел Иван.

— Прости.

Дома Иван внимательно посмотрел на жену. Она на него. И тот диалог, который мог начаться между ними, уже резво пробивал себе дорогу, но Иван вдруг решил, что правду здесь искать не стоит. Жена другого не придумает, как только свое бабское «ты ничего не понял, я тебе сейчас все объясню». Это уже было, когда он ночью в своем доме застал Коротаева, но ни тогда, ни теперь он ей не верил, и это таким мучительным эхом отзывалось в его сознании, что сердце в груди начало мелко трястись, колотиться. Оно будто наткнулось на шипы, сжалось, а потом больно закровоточило.

XXIV

Первый час ждать было нечего, Бердников подремывал, сняв «лифчик» и привалившись к эрде*, потом думал о доме. Он женился пять лет назад на дочке командира корпуса Оксане Лепской, у которой пушистые ресницы, мелкие веснушки на носу, так шедшие к лицу, и статная фигура. По военному городку поползли слухи о нем, как о карьеристе, пошедшем на этот брак по расчету. Обижаться на людей ни к чему, он и вправду женился по расчету: не сидеть же в старлеях.

В первое время ругались чуть ли не через день. Он из бедной семьи, привык обходиться малым, она из богатой, у знати свои запросы. Через полгода повез ее

---

* *Эрде — рюкзак десантника.*

к своим родителям в деревню. Она оделась по последнему писку моды: кроссовочки, джинсы, батничек, волосы на голове ярко-каштановые, дорогие очки, на лице макияж — красавица на загляденье. Отец встречал их на крыльце и крикнул матери в сени:

— Василиса, посмотри, с какой пышной б… приехал Володька!

Бердников спал с лица. Оксане разъяснил, что отец воевал, глухота от контузии, ему кажется, что говорит тихо, на самом деле орет. Да и русский язык шибко богат. Отец был не только глухой, но не любил, когда Владимир приезжал с курсантами Рязанского воздушно-десантного училища и привозил девиц. Деревня стояла на ушах: то драки, то объятья с «похотливыми швабрами» где попало… Оксане интересно, как это доить корову, убирать в сарае, тогда-то поняла, что на свете живут разные люди, и решила поумерить свои запросы.

Через год после свадьбы у них родилась двойня, как по заказу — мальчик и девочка. Бердников боготворил их. Однажды попал на учебные сборы для младших офицеров. Тесть намекнул, мол, для карьеры. Дни шли за днями, месяц минул. Бердников все время думал, что скучает по детям, но, вернувшись домой, кинулся не к ним, а к жене, а у самого откуда-то изнутри всхлип. С женой стояли посреди комнаты, он незаметно смахнул слезу и подумал: «К хренам карьеру, не поеду больше никуда от семьи». Вот такой он у него, брак по расчету.

Позже Оксана напомнила о карьере: собирается ли он в академию? Владимир собирался, но здоровую военную наследственность в виде ее папаши задействовать, как толкач, не согласен: сослуживцы заедят подначками. Да и мужик тогда мужик, когда сам что-то умеет.

Написал рапорт, засел за учебники, стал готовиться к поступлению. Откуда мог знать, что московские академии все одна на другую похожи, там заранее известно, кто поступит, а кто нет. Ему и говорила «блатная абитура», чтобы не сдавал экзамены, а прямиком ехал куда-нибудь отдохнуть, он пошел наперекор, и, как тому и быть, не прошел по конкурсу. Домой вернулся ежиком — весь в иглах, попробуй подойди.

Тут тесть с бутылкой дорогого коньяку. Генералов хорошо снабжали. Бас у тестя хриплый, усталый и мудрый: «Что, сунулся сверчок не на свой шесток?.. Не бери близко к сердцу. Да ведь и сам виноват. Обычно с родственниками советуются. Или ты живешь по поговорке: у вольного — воля, у гордого — гордость, а пес знай лижет собственную лапу? Ну, выпьем, что ли, за приезд? Дочка, дай-ка нам рюмки». Бердников сидел в кресле-качалке злой. А тесть сказал, что соваться в московские академии без достаточно прикормленной волосатой руки бесполезно. Это было, есть и будет! Мздоимцы в державе навсегда.

«А вот у бабьего подола ошиваться военному не стоит, — шептал тесть, прошедший войну и живший, как и Маргелов*, по принципу: сбит с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — лежа наступай. — Понюхай-ка ты пороху в Афганистане, побегай по горам, стань настоящим воякой, вот тогда они сами пригласят тебя. В академиях зад лижут боевым мужикам». Через полмесяца пришла разнарядка в Афганистан.

Трудно было перед отъздом и в день отъезда. Жена плакала, дети, несмышленыши, смотрели голубыми, как у него, глазами и озоровали. Сердце рвалось от вопроса: как они тут будут жить? В последнюю ночь мальчик встал в своей кроватке, не плача уставился на лежащих в постели родителей, будто старался запечатлеть их вместе в своей светлой памяти. А утром едва забрезжило, нужно

---

* *Маргелов Василий Филиппович (1908–1990) — командующий ВДВ СССР (1954–1959 и 1961–1979), Герой Советского Союза (1944).*

было торопиться в аэропорт. Отвозил сосед, жена которого осталась с детьми Бердниковых. Выглянул Владимир из москвича, а дети в окне носы расплющили о стекла... Да... Кхех!..

Бердников торопливо стал искать на руке часы. Еще час остался позади. Скоро должна вернуться разведгруппа. У Бердникова внутри, как всегда в такие минуты, зуд нетерпения, а свое, о чем думал, потеснилось, отодвинулось, тут же забылось.

Некоторое время прислушивался. Ни из кишлака, ни с гор не доносилось ни звука. Чем дальше, тем сильнее сосало под ложечкой. Полчаса до рассвета. Как бы не пришлось завтра загорать на этом пятачке, отсюда вынюхивать да высматривать обстановку в кишлаке. Едва он так подумал, как со стороны кишлака донеслась автоматная очередь. Тр-р-р-р! Десантники задвигались, за оружие взялись.

— Тиха-а! — шепотом крикнул старшина.

— Борис Григорьевич! Старшина! — позвал Бердников. — Возьми кого-нибудь, сходи осмотрись. Времени не остается.

Не прошло и пяти минут, как Борис Григорьевич вернулся вместе с ушедшей раньше группой. Они неслышно ползли по-пластунски с разных сторон, чтобы не создавать одной большой кучки. На войне даже в темноте скопление людей — хорошая мишень для врага.

— Вот… Яковлева подстрелили, — сказал десантник Воронов на выдохе.

— Как?!

Бердников смял в руках спортивную шапочку, в которой отправлялся на все боевые выходы. Гордеев подбежал к Яковлеву с промедолом, но его остановили — уже не надо. Зрачки закатились, пульса нет. Рана сквозная в грудь, горник* в бурых пятнах. Разведчики сидели вокруг тяжело дыша и с опущенными головами.

— Оставалась последняя горушка бля, — сказал старший сержант Михайлов. — И близко-то не подходили. И так было понятно, что там пост бля — часовые травку покуривали. Мы уж хотели уходить, тут очередь. Чего они ни с того, ни с сего оттуда пальнули? Одна из пуль Яковлеву досталась бля. Он даже не вскрикнул, сразу наповал.

— Ладно, ладно, мужики... Значит, мы раскрыты? — спросил Бердников.

— Товарищ майор, «духи» пальнули так, для собственного успокоения, а не прицельно. Мы не раскрыты. В кишлак, как вы велели, мы не заходили. Предположительно там если есть «духи», то небольшая группа, чисто для охранения. Постов вокруг кишлака не три, а четыре. Еще один, который нам неизвестен был, на самом входе бля. Вот Яковлев обнаружил пост — музыку услыхал да анашой потягивало, когда пробирались мимо.

— Спасибо тебе, Яковлев, — Бердников присел перед солдатом, лицо которого сине-белым пятном выделялось в темноте. — Заверните в плащ-палатку, укройте в расселине. Завтра с вертолетом отправим.

«Ничего уже не успеть сегодня сделать», — думал он, глядя на быстро синевший восток, на угадывавшиеся темные нагромождения гор.

Бердников отвел людей еще дальше на километр от входа в долину, велел рассредоточиться по расселинам и замаскироваться. Борису Григорьевичу наказал позаботиться об отдыхе: прапорщик — большой специалист устроить людей. Бердников выбирал себе такую позицию, откуда можно было вести наблюдение.

Через час проверил посты. Все оказалось в норме: сержанты знали свои обязанности. Борис Григорьевич рассказывал солдатам случаи из собственной жизни.

---

* *Форма одежды солдат и офицеров для выхода в горы.*

Бердников прислушался к его голосу — шепотному и все-таки узнаваемому, понятному.

Меж камней теплился синий огонек спиртовок — разогревали банки сухпая с перловой кашей. Не опасались, что головокружительный запах в кишлаке почуют, штиль был. Сашка Гордеев говорил, что аппетита у него нет. Борис Григорьевич по-отечески подвинул солдату горячую тушенку. Усы у него в этот момент дернулись из стороны в сторону, он с подначкой сказал:

— Некоторые говорят — тушенка плохая.

— Так-то, апатия у меня, товарищ прапорщик, — отвечал Гордеев.

— У тебя апатия? У тебя не может быть сейчас такого. Знаешь, что такое апатия? Апатия — это отношение к сношению после сношения. Тебе Гордеев, как десантнику, надо быть не с апатией, а с потенцией, а значит, есть мясо.

— Куда ее, потенцию, девать-то потом…

— Тоже верно. Даже в мирной жизни из-за нее погореть можно, — согласился прапорщик с улыбкой. — В нашем гарнизоне две войсковые части: транспортная авиация и мы — десантура. Всю жизнь из-за женщин деремся. Мой сосед летчик Петя в командировке поймал мужской насморк. Они уже летели домой, он не успел вылечиться. На своем аэродроме загоревал: как идти домой, что говорить жене? С ней ведь после долгой разлуки спать придется. Командир экипажа предложил: «Вот что, накрываем стол, и ты пьешь до тех пор, пока из ушей не польется. Отвезем домой, жена тебя на пушечный выстрел к себе не подпустит. А завтра утром уедешь в госпиталь и вылечишься. Экипаж принял на грудь, Петя больше всех, ну в ноль. Приводят его с фуражкой набекрень домой, звонят. Жена открывает. Петя на весь подъезд: «Маш, а я триппер поймал». Вот эта самая потенция и приводит к казусам в мирной жизни, а в боевых условиях — к подвигам. Какой отсюда вывод, боец?

— Я понял, на войне потенция — зубодробительная сила, а в мирной жизни — венерическое заболевание, — серьезно ответил Гордеев, закидывая в рот кусочки мяса, и все засмеялись. — Правда, байку про пойманную болезнь я слышал на первом курсе.

— Все байки крутятся вокруг земного шарика, но ты молодец, разгоняй апатию мясом.

Чуваш Беликов попросил своего земляка старшего сержанта Михайлова рассказать, как курятину в магазине покупал.

Все перестали двигаться, в чернильной предутренней сини поблескивали только глаза, обращенные к смутившемуся сержанту.

— Что рассказывать, вышло как в анекдоте бля.

— Ну и? — заинтересовались десантники.

— Лет двенадцать мне было. Мама послала купить на обед петушка в магазине. Я в чувашской семье родился, в детстве русский язык знал плохо, пока шел, забыл бля, как по-русски «петух».

— А теперь ты хорошо знаешь язык. Ну и…

— Захожу в магазин, там такая златозубая штучка бля сидит за прилавком: «Тебе чего?» Я отвечаю: этого, как его… Ну как он называется?

— Если ты не знаешь, как он называется, я тем более. Вспоминай. Не вспомнишь, так иди себе мимо.

— Мужа курочки мне бля.

— А свекра коровы тебе не надо?

— Не, мама сказала, мужа курочки.

— Эх ты, петушок.

— Тут я и закричал: петушка мне, петушка!

Хихикнули. Гордеев улыбнулся другому: солдаты ищут тему, чтобы снять напряжение.

— Ecce spectaculum dignum, ad giod respiciat intentus operi suo deus*, — произнес он, но переводить не стал, а направил всех, куда надо идти от стресса: — У нас в районной газете объявление было: «Сосну за умеренную плату». (Солдаты засмеялись.) Интеллигентные женщины Чердыни ходили к главреду: мол, брякаете тут шут-те что в печатном органе. Он улыбнулся и гуторит в ответ-то, что, так-то, это лесничество продает сосну строевую.

— Гордеев знает, о чем говорит. Поди-кась медички славные.

Десантники тихо смеялись, каждый подумал о той, которую любил. Пошли мечты, разговоры о былом, будущем. А в настоящем в воздух взвилась осветительная ракета, примолкли. Бердников велел потише скрябать в банках с тушенкой, а то за три километра слышно. Потом приказал спать. Разошлись быстро и бесшумно, словно растаяли в воздухе. Неспешно потрошили РД, доставали спальники. Замаскироваться среди камней в расселинах для десантника плевое дело. Потом они заползали внутрь спальников, тут же затихали.

Сашка Гордеев держал во рту шоколадку, одну из трех пайковых по пятнадцать грамм весом. Он мысленно вычеркивал день из календаря, радуясь, что кроме двух шоколадок есть банка свиного паштета. Его худенькое туловище, теперь свободное от всяких нош, блаженствовало в спальном мешке. Рядом с ним обосновался Ингебарян, курчавый крепыш.

— Что хмурый такой? — с акцентом спросил он.

— А что веселого ты-тко видишь в пределах этих суровых гор?

— Думай, дорогой, о чем-нибудь хорошем.

— Например?

— О собственных похоронах. Видал, как Яковлева стукнуло? Сегодня дышал, говорил, мечтал, теплый был, а теперь в плащ-палатке.

— Это у тебя такое пожелание спокойной ночи? — Гордеев саркастически прищурился.

— Это я не могу забыть Яковлева. Мы с ним в учебке девчат целыми взводами водили в каптерку. Одна в казарму выбежала и крикнула: «Парни, кто хочет, пошли!» Он тогда уже знал, что его убьют, и наслаждался жизнью. Только дураки уверены в своем бессмертии.

— Не к тому ты обратился. Я, так-то, как раз дурак и верю, что жизнь бесконечна.

— Ишь какой самокритичный. Медики все такие?

— Охти, чакнула пуля Яковлева, он и упал убитый. А я верю в свое бессмертие, потому что дома клюквы полно. Ведрами собирали. Кто будет ее есть? Меня там так-то ждут.

— Серьезный довод в пользу бессмертия. Как будто меня не ждут абрикосы. Слышь-ка, дорогой, ты на севере живешь. И клюква в холоде растет. Интересно, кто ее опыляет? Там пчелы разве есть? — спросил Ингебарян, не пряча улыбку.

— Не знаю. Меду полно, пчел не помню. Тожно** мухи, наверное, — ответил Гордеев.

Они улеглись каждый в свой спальник спина к спине. Гордеев продолжал о смерти… Что в любом виде развития существует иерархия. Трава самая низшая, над нею животный мир, потом человек. Он считается венцом природы, но Сашка категорически не верил, что на этом кончается иерархия. Ученые доказали — и над человеком есть мощная надстройка даже на земле. У дельфинов мозг куда развитее,

---

* *Вот зрелище, достойное того, чтобы на него оглянулся Бог, созерцая свое творение (лат.).*

** *Тогда.*

чем у гомо сапиенс и общаются эти млекопитающие посредством ультразвуковых передач, причем не как мы дуплексно, а симплексно.

На «симплексно» Ингебарян то ли вздохом, то ли хмыканьем подтвердил, что не только это слово, но и о жизни дельфинов знает сызмальства буквально каждую мелочь. Воодушевленный поддержкой, Гордеев полез в дебри мирового развития, говорил искренне, будто это было последнее слово в суде. Дескать, взять серого кита, так-то, он в разы умнее дельфина, тем более куда там человеку. Что касается смерти, то здесь тоже. Детство, отрочество, юность, зрелый возраст, старость, смерть… А дальше ничего нет? Столько лет душа развивалась да вдруг пропадет? Нет! Коли есть круговорот воды в природе и закон сохранения массы вещества, почему бы не быть круговороту душ? Ее вырастить не так просто. Природа не такая расточительная, чтобы дать душе погибнуть. Она после смерти выходит из тела и живет в параллельном мире. И когда он попадет туда, обязательно изучит его и оттуда расскажет человечеству правду.

— Ты думаешь, параллельного мира нет? — спрашивал Гордеев. — Не, так не бывает, цепочка развития никогда не прерывается, иначе и нас не было бы на земле. Согласен?

Ингебарян поразил округу духом перегара (где успел уже) и мощным художественным всхрапом — согласен. Гордеев удивился, вот так человек переживал о смерти.

Гордеев много раз видел, как люди уходят в синюю немоту звезд. В прошлый выход на боевые на мине подорвался командир взвода Еременко, которому осколком вырвало часть головы. Ох, как же трудно он умирал! Еще пытался что-то кричать и только хрипел, тело тряслось, продолжая бороться со смертью. Еременко совершал переход от жизни земной к жизни в ином мире, но что мог чувствовать или понимать, если был не тут и не там, его сознание и тело существовали поврозь с той минуты, как смертельно ранило. Гордеев подумал: «Вернемся, устроим стащиху»*, стал считать звезды и уснул чутким к звукам сном.

Назавтра ветер стих. Горы плавились от жары. Авианаводчик Чусов облизывал пересохшие губы, глядя в небо светлыми безгрешными глазами, кричал в микрофон:

— Передайте пятисотому... да-да, пятисотому, я по улитке — в тридцать втором, провожу рекогносцировку! Прошу придумать что-либо для выявления гнезд трещоток и сто двадцать пятых! Ждем пчелу, у нас ноль двадцать первый. Как приняли?

Эти фразы дал ему Бердников, означали они обычную сжатую до предела просьбу о том, чтобы оператор самолета-ретранслятора передал комдиву: подразделение Бердникова находится в квадрате тридцать два, обстановкой владеет, просит начать операцию по раскрытию пулеметных гнезд, местонахождения мятежников и прислать Ми-8 для транспортировки убитого в Кабул. Чусов со страхом смотрел на цифру 021.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

III

Вспоминая все это, Иван к исходу шестых суток понял, что заблудился в горах. Снежные вершины подпирали темнеющий темно-синий свод неба. На западе — кровавое от уходящего солнца месиво облаков, светило постепенно пряталось за высокими зубцами. У ночи свои права, она наползала, не суля никакой надежды.

Хлеба остался кусок — грамм сто пятьдесят. Иван плечом чувствовал его вес. А в животе такой треск стоял, что, наверное, слышали не только в Кабуле, но и

---

* *Пир вскладчину.*

на Дальнем Востоке. Однако, ложась спать, он ни себе, ни душману не выделил ни крошки. В теле постепенно установилась легкая тишина, голова кружилась.

Ахмаду снилась еда, много чего по-восточному разнообразного и вкусного. Он ел овощи, фрукты, палау*. А Иван видел во сне дом, где его не ждали. И так было пусто в душе Житихина. Но вдруг его сон стал цветным, будто это явь. Так случается, когда человек зависает между сном и бодрствованием. Говорят, что именно там находится параллельный мир. Иван сидел на ярко-зеленой лужайке, над ним летали легкокрылые бабочки, и шло приятное тепло, от которого уютно на сердце. Кругом бирюзово и светло, ни тяжелых громад гор, ни непроглядной ночи. С легкого, как перышко, облака, появился Хазарцев. Они долго молчали и не чувствовали себя неловко. Это было то мужское молчание, при котором все понятно: их разделяла невидимая черта, с одной стороны которой жизнь, с другой — смерть. По крайней мере, Иван сознавал, что Хазарцев на том свете.

— Зачем ты здесь?

— Надо. Не все завершил на земле. Передай Наташе, что я полюбил ее всем сердцем. Не вышло взять в жены, так получилось, но моя душа привязана к ней, не могу с экипажем уйти, — Хазарцев кивнул на небо. — Скажи, когда вернешься, пусть не плачет, пусть отпустит меня и свечку поставит за упокой души. Она слезами будет держать меня здесь и после сорока дней. Маяться неохота.

— Если вернусь.

— Постарайся…

— А меня, командир, выбросило из самолета. Я не сам, не сам!

— Знаю все.

— Откуда?

— Видел.

— Что ты раньше не приходил? Я думал, что ты не знал, хотел застрелиться.

— Не психуй. Тебя выбросило с кресла вместе с парашютом после второго взрыва, а потом вытянуло потоком воздуха в запасной люк. Парашют раскрылся принудительно, фал потом летал по кабине. Осколок ракеты стукнул по переборке. Она отлетела и оставила у тебя на щеке и лбу шрам, хорошо, что голову не срезала. Это последнее, что я видел. Ты, поди, думаешь, откуда шрам? Вторым же взрывом убило правака и меня. А прийти я не мог, нас недавно хоронили. С собственных похорон как уйдешь?

— Хоронили? Господи! Прости, что я живой. Прости! Я не подумал о похоронах. Вас уже нет на земле. Что самое тяжелое, сама смерть или похороны? Как это выглядит с той стороны?

— Тебе лучше не знать сейчас. Горы, горы, отсюда надо еще выйти живым.

— А я выйду? Не знаешь? Не хочешь говорить. Расскажи о похоронах. Моя была?

— Это самое жуткое, душа как в тисках. Особенно тоскливо, когда выносят. Нить навечно обрывается — все, назад пути нет! Бабий рев. Музыка. И вот ты зарыт в темноту. Э-эх!.. Знаешь, ты тоже лежишь в братской могиле. Я кричал твоей жене, что ты жив, но кто нас слышит? Этот, который с тобой, он тебя спас.

— Этот?! Как он мог меня спасти от смерти, если сбил нас?

— Первым стрелял не он, а «дух», и тоже со «Стрелы». Запомни имя. Джади. Самолет ушел в глубокий крен. Ахмад бил вторым. Заряд попал в другой двигатель. Самолет кинуло вперед, поэтому тебя сорвало с кресла и выбросило в люк. Второе попадание выровняло самолет, его можно было даже посадить, но мне в голову попал осколок. Так вот, если бы не Ахмад, лежать тебе с нами на кладбище...

---

* *Плов.*

Ахмад и Иван проснулись, едва посерело. Первой мыслью, когда открыли глаза, у Ахмада было: «Куда все делось?», у Ивана: «Лучше бы не спать». И он мысленно трижды повторил: «Прости, командир». Но что это было? То ли явь, то ли сон? Иван задумался о похоронах. Если правда, что он в могиле, то хорошо. Нет его на белом свете, и все духовные долги списаны. Не надо разбираться с женой, для нее он мертвец. Ему вспомнилось о дочери. Мария вырастет, он все время будет тайно помогать, а когда повзрослеет, навестит ее и заберет к себе. Только бы выбраться отсюда. С трудом верил в то, что вот этот «дух» спас его... Стрелять по человеку, чтобы спасти — такое не укладывалось в голове.

Он очнулся от состояния, в котором пребывал. В желудке продолжало постреливать, завывать на разные голоса. «Ну, запели!» — обозлился Иван. Реальность осознавалась быстро. И подумалось, если сейчас съесть кусок хлеба, то уже до восхода солнца засосет под ложечкой. «Пока не досчитаю до тысячи, никаких завтраков. Раз, два, три…» — начал он.

На подымающийся ослепительный диск Иван старался не смотреть. Солнце не столько обезвоживало, сколько выжигало веру в благополучный исход. Оно первыми же лучами, как раскаленной сковородкой, ожгло и без того затуманенные мозги. Думать не хотелось, встать не хватало сил.

Не на шутку тошнило. Он хотел идти, уже сделал несколько шагов, вдруг все распирающая волна хлынула снизу к горлу, едва успел прикрыть рот рукой и отбежать в сторону. Минут через десять оправился, привел себя в порядок. Обернулся, — душман торопливо что-то запихал в рот. Голову прострелила догадка: это он последний кусок хлеба сожрал! Иван схватил тряпку, в которую была завернута горбушка — пусто. Поглядел вокруг — ничего. Прыгнул к Ахмаду, откуда только прыть взялась, и набил в одну секунду ему огромную шишку на лбу, нос расквасил. До этого Ахмад тычки, оскорбления воспринимал молча, а тут заплакал в голос. Он припал головой к земле, обнял ее руками, плечи долго вздрагивали. Позже прятал красные глаза. Иван хмуро высказал свои мысли:

— Ты один такой голодный? Надо ж — все до крошки спороть! И что ты не подавился, мать твою, раздолбай, Мамай губастый. Тушенка кончилась, хлеба нет! Ложись и помирай!

Иван обреченно сел на землю. Теперь все: если в течение двух-трех суток не выйти к людям, свалишься от головокружения и болей в желудке, потом издохнешь, как какой-нибудь бездомный пес.

— Ты мой мат не трог! — Ахмад всхлипнул и огрызнулся на русском языке.

— Ишь ты какой! Не трогай его мать! А что ж она такого идиота родила?

— Шотор*!

— Что?! Ты заговорил по-русски? Как хлеб делить, так на дари болтал, как ругаться, так по-нашему! Что это «шотор»? Или штопор? При чем тут это? А, мы в штопоре? Это — да.

— Мне завут Ахмад, а не Мамая губастый. Я тот, кто благодарит Бога. Поняль? — буркнул Ахмад, вставая. — Кто знаит, какой идыот ваш матэри рождают, но скоро узнают.

— Ишь ты! Ахма-ад! Круто ты отблагодарил Аллаха. Ахмад? Странно. Мне приснилось это имя… Ну ладно, я Иван. Слыхал такое русское имя?

Иван думал, не бросить ли кое-что из снаряжения, и критически оглядел «лифчик», набитый, напичканный патронами, гранатами. Несколько магазинов долой. Четыре рожка оставил в кармашках «лифчика», два — в автомате да патроны

---

* *Верблюд.*

россыпью, этого хватит на пять минут боя. Купол не выбросишь — постель, он плеч Ивана не тянет, его «дух» понесет.

— Ахмад и сопровождающие его лица отправились в Кабул. Пошли, чудо в перьях! С набитой кишкой небось веселее идти? Скоро и меня понесешь. Я теперь на целый кусок хлеба легче тебя, но мы дойдем. Непременно дойдем! В конце пути ждет тебя веревка с мылом. Перспектива, прямо скажем, хреновая, но ты сам выбрал эту дорожку.

Ахмад не отвечал. Иван прикидывал, почему заблудился, и понял: это из-за горной гряды, которую обходил с правой стороны, а надо было с левой. Да ведь было у кого спросить.

— Как нам выйти к Кабулу, короткая дорога есть? Вот карта, смотри, если не хочешь с голодухи здесь Аллаху душу отдать. Попробуй только заведи к своим, я те вон… отстрелю.

Иван смотрел пытливо — соврет или нет? «Духу», конечно, выгоднее лгать, чтоб оттянуть время. Упади Иван в обморок, Ахмад завладеет оружием, а это спасение. У Ивана другая мысль: «Заблудимся или на «духов» набредем, пристрелю его, потом себя».

Ахмад стоял на коленях, уронив зад на пятки, опустил голову и отвернулся. Он понимал свою выгоду, знал, что сулит каждый лишний день. Некоторое время назад, когда им надо было повернуть влево, а русский по компасу повел вправо, мол, так короче, Ахмад порадовался: «Вах, давай заблудимся, это мне хорошо». Он запасался здоровьем впрок. По пути ел верблюжью колючку, теперь хлебушек подмел. Шишка пройдет, зато потом он хозяин положения. Русский в лучшем случае будет еле переставлять ноги или свалится. Только бы взяться за автомат. Ахмад призывал на помощь Аллаха. Но… но встал на ноги и пошел в ту сторону, куда надо было идти — в Кабул.

— Так чего же ты назад? — изумился Иван, однако, вникая в суть, вглядывался в карту.

— А ты Пакистан пошоль? Иды! Там жидут тебя сыльно. Ми полтора сутки уже потеряль.

— Ладно, хотел отправить тебя чистить чалму Аллаху, но поживи пока, — говорил Иван уныло. Затем примирительно добавил, решив блеснуть осведомленностью в области чужого языка: — Как ты там говоришь? Штопор? Тогда выходим из штопора.

— Шотор, шотор, — подтвердил Ахмад, в карих глазах заиграли чертики.

К исходу шестых суток приволоклись к узкому мрачному ущелью, ведущему к дороге на Кабул. Следов колес тут нет, лишь старые вмятины копыт. Обыкновенная тропа петляла среди больших камней, по ней ходили в Пакистан за товаром и возвращались, чтобы продать втридорога. На дороге шакалили боевики из различных банд, принадлежащих тем или иным политическим партиям или племенам Афганистана, забирали деньги, вещи, средства передвижения. Женщин-чужестранок, если таковые были в караване, тут же насиловали.

Едва вошли в ущелье, откуда-то дикий крик: «Дриш!»* У Ивана чуть не лопнуло сердце. Он медленно обернулся. Сзади стоял душман со штыком на поясе, вооруженный автоматом Калашникова, в чалме, национальной одежде серого цвета и с грязным лицом. «Дриш кистид! Даст ба бала!»** — скомандовал другой, появившийся спереди. Часовые из отряда Саттар-хана, сидевшие за скалой, издалека увидели Ахмада и Ивана и разговаривали.

---

* *Стой!*

** *Стой, кто идет! Руки вверх!*

— Пожива сама идет к нам, — говорил один на дари. — Оружие у них и что-то несут.

— Длинный в форме русского летчика.

— Зайдешь с тыла, заберешь оружие. Понял? Я прикрою. В стрельбе потренируемся, кто попадет пленным пулей в лоб, тому приз. Саттар-хан велел убивать летчиков на месте.

— За него денег можно получить, зачем убивать?

— Кормить их прикажешь? И за мертвых афгани дают. Уши отрежем, форму предъявим.

Иван шел к смерти. И когда услышал крик «дриш», глянул на своего спутника, лицо которого расплылось в улыбке — свои. Ахмад заговорил с ними. У Ивана секунды, чтобы спастись или попасть в плен. Тот, который сзади, подошел забрать оружие. Иван, снимая автомат с плеча, двинул ему рукоятью в голову. Боевик покатился по камням, звякая штыком. Житихин прыгнул в сторону с линии огня, передергивая затвор. Очередь. Из ствола полетели белые пчелки, второй душман упал замертво. Ахмад со страхом глядел на убитых.

— Что смотришь? У меня на лбу нет надписи, что я поп-миротворец. Помогай!

Тела убитых спрятали за валунами, завалили галькой, пятна крови присыпали песком.

Ивана трясло от этой неожиданной встречи, сердце в груди тарахтело вразнобой, а в голове стучали молоточки. Убил! Уби-ил! Двоих! А почему? Только потому, что попались на пути? Самому хотелось жить? Но зачем? Зачем ему жить, коли ни семьи у него, ни радости. Иван сел на землю. У Ахмада в душе страх, смотрел в сторону, молчал. Иван спросил:

— Ты думал — конец мне? Ух, шалун! О чем говорил с ними? Меня сдал с потрохами?

— О жизини. Они подытвердят, — Ахмад показал кивком головы за валуны.

— По-моему, они хотели серьезно с нами поговорить. Спасибо тебе — отвлек их, а это значит, что еще поживем. «Духи» найдут убитых, как бы погони за нами не было.

Искали лежбище боевиков, а главное — еду. И нашли засохшие лаваши, огурцы, сыр, немного воды да памятку с арабской вязью. Ахмад перевел: «Убивай неверного. Тренируй руку в стрельбе. Не жалей врага…» Иван подумал: «Надо быстрее убираться отсюда».

Подкрепились. Руки при этом дрожали. Через ущелье шли осторожно. И оно осталось позади, а впереди ржаво-зеленая долина, по ней ползла вдаль, извивалась проселочная дорога. Иван, глядя на карту и понимая, что наконец выбрался из каменного мешка, чуть не заорал — вот оно, счастье, когда перед тобой открывается возможность жить!

Как же просто перейти из одного состояния в другое, испытывая сердцем маленькую победу. Жить! И жить иначе. Ведь тридцати нет. Можно еще начать все заново, исправить свои ошибки, жениться вторично, только найти ту, которая не предаст, не уйдет, а будет крепким тылом. Теперь он знал, что не все, но многое сможет, надо только сохранить в душе вот этот настрой. Иван сплясал на дороге, ощущая ногами накатанную твердь.

Речки и дороги всегда приводили к людям, но сил на долгий танец не осталось. Душа его подпрыгнула вместе с ногами разок-другой и остыла. К людям придешь ли, если тут поле заминировано да большая вероятность встретить летучий отряд душманов? Ахмад отворачивал от него кислую мину.

Щуп сделать не из чего. Выход напрашивался сам собой — пустить впереди себя «духа». Иван посмотрел Ахмаду в глаза с пожелтевшими кровоподтеками

вокруг. «А он меня пустил бы, — подумал. — По дороге не пойдем». Несколько суток шли бездорожно.

Оба теперь ели побеги цветущего янтака и сладкие розовые лепестки, но от этого все больше серело лицо, иногда рвало зеленью, сил не прибавлялось. Во рту будто обоз ночевал.

— Янтак на мою жену похож, — задумчиво молвил Иван. — Пока побеги молоды — мягкая, нежная да сладкая, а созрела — колючая и перекати-поле. У тебя есть жена?

— Нахейр, ман моджарад хастам*. Мой нэвеста на мак пахожа — пиянит. На ширини хури** мы обменялись кольцами.

— Верно, на хер. Бабы так пьянят, потом тяжкое похмелье. Я со своей почти развелся. Не вернусь к ней. Она — янтак по осени. Женщина — самое мощное оружие, убивающее наповал.

— А мой нэвеста скоро будэт одэт красное платье и будэт жидат мой пириход сы родственникамы под удары дойры. Мой мат накинэт Латыфе золотой парчовый шал — это зынак того, чито Латыфа находилсы под покоровительством Фатымы***. На сыледущий ден сывадьба, на невесте будэт белый платье и белый покрывало. Бырат Латыфы завязываит ей на талий пояс из зеленый атылас. Мне оденет бархатный жилет, под ним пирантумбон****, на белый рубах ворот и груд вышиты Латыфой голубой нитка, на голове люнги, чалма такой из пятыметровой шелковой тыкани, на ногах дорогой туфли. Потом падар вакиль***** шутылива пыросыт вальвар за Латыфу пят миллион. Отыкуда жи я найду такой сумма? Дам эму тоже шутылива тыриста афыгани…

— Слушай, ты! Жених! Для чего мне это рассказываешь? Разжалобить хочешь?! — Иван поднял руки к небу. — Зачем мне это чмо попалось?! Боже, забери его от меня, и так в душе пусто, он еще упрекает: мол, вот ты разводишься, а я женюсь! У, змей ползучий!

Иван молил у бога дождя. Можно было бы набрать воды, но небо белесое, какие там осадки. Днем по-прежнему шли бездорожно, внимательно вглядываясь в каждый камешек.

Вдоль долины дул ветер, который вылизал ее дочерна, выдувал для себя тропы на склонах. Солнце много веков жгло тут, трамбовало лучами землю, она не пахла травой и водой, она хранила запахи тлена и прокаленных камней — сущий ад. Открытое место, не спрячешься, но и обходить долину по склонам гор — даже ленивой мысли не возникало.

В Иване напрочь выветрилось чувство страха, но стоило чему-то цвенькнуть над головой, он тотчас оглянулся вокруг. Над ними пролетела пичужка, первая за все время пути. От радости сладко запело под ложечкой. Названия ее не знал, для него главное, чтобы была крупной и много ли их здесь. Они — спасение. Тут должен быть кишлак, птахам возле людского жилья легче спастись от житейских передряг. В одном месте дороги стоял столб с указателями: Кабул — Москва 4090 км. В самом низу были родные города. Кабул — Пенза 3480 км. Кабул — Красносветенск 8650 км. Иван с досады стукнул по земле кулаком — иэхх!

Ночь провели на голодный желудок возле дороги, надеясь на утро, что, может, прилетит какая-нибудь стайка птичек. Сквозь дремоту слушали все те же шуршащие на всю округу звуки, а в небе горели и гасли звезды, темно-синяя

** Нет, я холост.*

*** Помолвка, буквальный смысл «ширин хури» — «кушать сладости».*

**** Фатима — младшая дочь пророка Мухаммада, почитается как избранная богом.*

***** Фасон афганской мужской одежды — рубаха ниже колен и широкие штаны.*

****** Посажёный отец.*

мгла вытеснялась голубой. Затем между склонами возникла золотисто-красная полоска. Когда взошло солнце, сразу стало резать глаза, разболелась лобная часть головы, будто туда забивали длинный тупой гвоздь.

Завтрака, конечно, не предвиделось, есть траву не хотелось. В этот день продвигались особенно медленно. Иван от тошноты, головокружения и полного бессилья был на грани обморока. Он на всякий случай надел на руки пленному наручники, как это делал в первые дни. И подумал: «Вот говорят — Бог, но где же он? Что же не поможет мне? Или это наказание? За что? Что я должен познать?» В иные минуты ему слышался голос Хазарцева: «Не кисни! Ты должен выйти к нашим!» Иван откатил один валун, второй, нашел личинок червей. Ножом выковырял их, поджарил на огне от спички, ели с Ахмадом. Искали еще, но валуны тяжелые, слишком большая затрата сил, быстрее умрешь от напруги, чем от голода.

Затуманенный мыслями о еде мозг не склонялся к анализу. В середине дня снова наткнулись на птицу — на горлышке бледно-желтое пятно, окаймленное черной полосой, спинка дымчато-серая с сиреневым оттенком, брюшко охристое, на боках яркие рыже-бело-черные полоски, будто на зебре, лапки и клюв красные. Величиною она более горлицы. Съедобная или нет, как называется, Иван об этом не думал. А ее, наверное, изумляло, откуда здесь эти два грязных существа. До встречи с птицей своего сердца не слышал, но тут затарахтело в висках, в горле. Никак не мог поймать за спиною автомат, потом нащупать спусковой крючок. Птица продолжала разглядывать их. Иван неторопливо прицелился. Комок перьев прыгал на мушке. Он затаил дыхание, дрожащим пальцем выбрал свободный ход, нажал, выстрела нет. Тьфу, забыл передернуть затвор. Снова взял птицу на мушку. Выстрел стеганул по горам, пуля ударилась в гранитный уступ, срикошетила, вжикнула о камни, ушла в «молоко». Птица удивленно подпрыгнула, выкрикнув «кек!», и улетела. Сзади смешок Ахмада. Иван развел руками, сделалось стыдно за свои боевые способности.

— Дывоих убиль лехко, а писычку не попаль.

— Верткая попалась, — отшутился он, — в такую попадать меня не учили.

— Если у гончара руки растут не оттуда, то обжигай его горшки хоть сам Аллах, они от щелчка расколются, — был ответ на дари, а на русском языке: — Этот… писычка умыный.

— А я что говорю? Я и говорю, пригнулась, и поминай как звали.

В ту же секунду, когда говорил, в нем что-то взорвалось, какие-то механизмы души вышли из-под контроля, внезапно накатила такая волна голода, что если прямо сейчас не съесть ничего, то идти не сможет. Он чувствовал свой желудок, сморщившийся, болезненный, просящий. Новый толчок тошноты изнутри, в щеки ударила смертельная бледность. Только не обморок, только не... Он сел на землю.

Ему вдруг привиделось, как однажды ходили на рыбалку, наметкой наловили карасей, сварили уху в ведре. Ложки достали, а она несоленая. Дворняга слакал уху в минуту, а потом ходил и икал, наверное, потому, что его ругали они, мальчишки. Иван мысленно увидел вареного пескарика, сглотнул слюну, затем пытался думать о чем-нибудь стороннем, твердил одну и ту же фразу: «Я сыт». Воспитанный в духе соблюдения режима дня, не сумел побороть себя. Мысли возвращались к тому же — к еде. В какую-то минуту воля ушла из-под власти, Иван подошел к пленному, ткнул стволом в плечо.

— Молись (лицо Ахмада при этом стало совсем серым). Молись, говорю. Проси жрать! Проси пить! Ведь это твоя страна! Твой Аллах!

— Кито о чем, а вошивый пра баню, — Ахмад по приказу молиться не умел.

— А ты жрать не хочешь?! Ишь ты, наши поговорки выучил. Есть другая: кто о чем, а вшивый всех громче орет, что он помылся. Сукин сын! Да чтоб тебя волки

съели! Уйди с глаз! Хотя куда ты пойдешь, — Иван повел рукой вокруг, — горы кругом и путь далек лежит.

Солнце сквозь легкие облачка было похожим на блин из ртути, ядовитый жар отравлял тело, которое теперь как яркая вспышка, но готовая вот-вот погаснуть. Иван не хотел принимать нытья изнутри, но получалось, как у злостного курильщика: чем дольше без сигарет, тем сильнее охота сделать затяжку. Так вот зачем он оставлен жить, чтобы мучился дольше, как самый отъявленный грешник, который бросил жену и обрек ее на новое прелюбодеяние.

После отдыха вставать сил не было. Иван лежал на животе, пленный совершал намаз. И Аллах, видать, услышал его. Напротив Ивана уселась птица, крупнее первой. Рука сама поползла к автомату, другая, сжатая в кулак, пригрозила пленному — тихо.

Пальцем надавил на предохранитель. Птица от металлического щелчка вздрогнула и повернула голову. Сейчас можно надеяться только на ее тупость. Лежа стрелять удобнее, автомат не прыгает в руках. Иван вдруг увидел себя со стороны — большой, с оружием, а напротив комочек из перьев, птица — жертва, а Иван вершитель ее судьбы. Но тут откуда-то: «Стреляй, не то сдохнешь с голоду!»

Выстрела не слышал. Он увидел, как перья полетели влево, и приготовил речь, состоящую из словоплетений лихих сапожников. Он уже начал говорить, пленный перебил:

— Пасматри туда. Там килограмм мяса.

Иван тотчас увидел свою жертву лежащей среди серых камней ярко-красной массой, ветер шевелил перышки, и сизая трехпалая лапка со шпорой непроизвольно сжималась в маленький кулачок: из птицы уходила жизнь. «Прости, родная, кроме тебя, съесть нечего, а голод, сама знаешь, не тетка».

Собрали в кучку все, что могло гореть, разложили костер. Ахмад старался, аж взмок. Оба забыли, пока разделывали птицу, жарили над огнем, забыли, что они враги. Иван вспомнил о том, лишь когда надо было делить золотисто-коричневую тушку, от которой шел головокружительный дух, и слюна сама собой скапливалась во рту. Сначала он вспомнил о съеденном пленным куске хлеба, затем о загубленных им ребятах. За что он должен кормить этого ублюдка? Эту сволочь расстрелять на месте и то мало. Но руки уже разламывали тушку на две половины, а с языка едва не соскользнуло: «Жадничаете, батенька, не потому ли вспомнили о куске и погибших ребятах?»

— Какую берешь?

У пленного глаза горели, как у волка, схватил, какая побольше. Ел, обжигаясь, давясь. Поперхнулся, закашлялся, Иван трахнул по сухонькой спине, чуть душу не вышиб.

— Ну! — сказал с отцовской интонацией. — Жадность фраера сгубила. Не торопись, никто не отнимет. Некому тут.

Косточки — это все, что осталось через минуту от трапезы, после которой есть захотелось еще сильнее. Иван жевать их не стал, а спрятал, завернув в носовой платок, в карман. Пленный не оставил, сгрыз с хрустом, а капавший с грязных рук жир слизал.

Через пару часов пути у Ахмада горлом пошла желчь с кровью. Лицо его пожелтело, белки глаз набухли красными жилками. Ахмад задыхался от рвоты. Иван стоял в метре — растерянный, испуганный. Он таким бывал в дни болезни дочери, когда рад бы помочь, да чем же, ведь не доктор. И тускло обобщил:

— Эх, Ахмад, Ахмад, не в коня корм.

И у самого к горлу подступила тошнота. Вот уж чего не ожидал в этом Афгане, так сдохнуть бездарно от волокнистого мяса дикой птички. Заросший затылок

пленного качался впереди из стороны в сторону в каком-то розовом горячем мраке. Хотелось пить, пить. Ему чудилась вода то в стакане, у которого запотела поверхность, то перед глазами текла река, то вдалеке голубело озеро или даже целое море. Облизывал шершавые, как веревка, губы, пытался глотать, но во рту будто кусок теста, а язык похож на камень-голыш. Вдруг возникло, как пацаном катался на лошади, которую звали Селеной. Кто же знал, что она любит брать барьеры? Иван летел на ней во весь дух, впереди лужа. Он хотел объехать, уж за повод потянул. Селена решила иначе: легко взяла лужу. Не ожидая этого, Иван срочным принудительным образом покинул хребет лошади и полетел прямо в лужу ничком. Грязная вода хлынула ему через открытый в крике рот в желудок. Он и теперь ощутил тот вкус, только тогда его вытошнило грязью, а сейчас он был бы рад даже глотку такой воды. Помнится, мать здорово наподдавала подзатыльников за испорченную одежду…

К вечеру пленный упал. Все вроде шел потихоньку, затем подкосились ноги, нуристанка слетела с головы, ткнулся плечом в землю. Кадык судорожно дергался, в синей жилке на лбу едва пульсировала кровь. Иван коснулся руки и понял — у пленного поднялась температура. В чувство приводил шлепками по лицу. «Мать честная, что ж ты какой хлипкий?» — Это был не упрек, а страх остаться одному в преисподней.

Опять заночевали невдалеке от дороги. Ахмад бредил на своем языке. Иван сидел над ним, как над маленьким, и задремал лишь под утро, а когда открыл глаза, первое, что подумал, было: почему не молится пленный? Обычно он просыпался рано и взывал к Аллаху, чем сильно досаждал Ивану. Он всякий раз говорил ему: «Дай своему богу отдохнуть, ты его достал». Теперь же Ахмад лежал тихо, желтое лицо, на лбу испарина, из обоих глаз сочились слезы и проделывали по грязным щекам светлые стежки. Он посмотрел на Ивана.

Здесь без врача ясно: печенку прихватило. Иван увидел мольбу в глазах, пленный боялся быть брошенным. Он, видимо, настолько чувствовал себя паршиво, что не мог не только идти, но даже поднять голову. С лица сошло крысиное выражение, предназначенное Ивану и кому-то, кто был виновен в его муках. Смирение и боль были в его мимике. Он разлепил ссохшиеся губы и что-то говорил на своем языке.

— Сарам даур мехорад. Дард дарбатн*.

Иван ждал, что он переведет.

— Ты что там со своей болезнью, наверно, подзабыл, что я русский? Ты хоть через раз говори, что изрекаешь, — велел Иван.

— Нэ я у тэбэ в гостех, чтобы па-русски гаварит, — отвечал Ахмад. Он помолчал. — Пит хочу. Вах, вах, вах, хале ман баст аст*.

— Попробуй встать. Может, по пути найдем болотце. Силы небесные, дайте дождя!

Ахмад пошуршал шелком парашюта, начал подыматься. Он не успел принять вертикального положения, что-то крутнулось в нем, перед глазами все поплыло, и тошнотная тишь в желудке взбурлила дикой болью, уронившей его навзничь. По телу прошла судорога, в ложбинке на груди, на грязном лице появились крупные капли пота. Он едва повернул голову, хотел что-то сказать, но только вздохнул. Глаза уходили в страдание, в смертную тоску, почерневшие зрачки закатывались. Лишь на шее торопливо билась синяя жилка.

Перед Иваном задача — либо бросить пленного, либо расстрелять. Первое не подходило, останутся неотомщенными ребята, второе не сделал бы теперь даже под угрозой смерти: негоже убивать безоружного. Иван повел стволом.

---

* *У меня кружится голова. Боль в животе.*

** *Ах, ах, ах, мне плохо.*

— Ну и что с тобой делать?

Тонкая шея Ахмада напряглась. Он уже не просил пить, а решил, что непременно будет убит. Теперь боязнь смерти разрушила его изнутри, в нем будто бы умерло с последним проблеском строптивости мусульманское, вколоченное с детства в сознание: жизнь правоверного принадлежит Аллаху, который отлично знает, что тебе нужно в тот или иной момент. Он, чувствуя возле лица пахнущий порохом ствол автомата, совершенно обессиленно прошептал на своем языке пощадить. Русский не должен видеть его страха.

Иван взял купол парашюта, пошел за выступ скалы. Пленный со страхом смотрел вслед — бледный, в сбитой на затылок помятой нуристанке. Стучит в груди торопливое сердце и темнеют круги под глазами. Он всеми больными внутренностями чувствовал, как уходят силы, что ни слова сказать, ни даже заплакать. Ахмад уронил голову на руки, так лежал минут пять, покуда не раздались шуршащие звуки и не посыпалась каменная крошка. Ахмад поднял глаза, в них затеплились покрывшиеся было серым пеплом угольки. Русский возвращался.

— Давай-ка, мил дружок, перебираться к новому месту жительства. Обопрись на мое плечо, только дыши бациллами в сторону, они у тебя злые, как собаки. — Когда поковыляли, добавил: — А вообще-то, зараза к заразе не пристанет. В училище наша группа имела фирменный знак: два-три раза в месяц кто-то из-за девок ловил фингал под глаз. Потом мода на это прошла, все ударились в пьянку, пили все, что горит. После «Лесной воды», настойки хвои, какой покойников протирают, почти все заболели пулеметной болезнью, а мне хоть бы что. Так что не боюсь бацилл — проспиртованный. Лежи здесь. Я воду поищу.

— Есели я не ошибаюс, здес ест река. Как это по-русски, когда от солнца нэт воды?

— Пересохшая, что ли?

— Да. Она, может быт, пересохнут за лето. Но есели зделат ямку в тине, она скоро наберетца. Идти нада туда.

— С этими твоими «она, может быть, пересохла, она наберетца» я не согласен. Тут точно давай. Есть там вода или нет? Меня вон ветром валит, а ходить туда и сюда просто так мне вовсе без надобности. Упаду где-нибудь.

Он проверил на боку фляжку, поплелся, не оглядываясь, к дороге, потом по нетронутой пыли. Вовсю пекло солнце, пронзительно и вечно жужжали мухи. Но откуда они тут взялись, чем питаются? Кругом загроможденный валунами, иссохший серый простор, разжиться нечем. Эта земля не выдавала своих тайн, а главную из них — как выжить — и вовсе припрятала за семью печатями. Здесь смерть ходит за каждым живым существом по пятам. Муха издохнет — невелика потеря, он умрет — и не станет на земле еще одного человека с интеллектом, который в нем. Ах, как он просил небо дать дождя хоть на пять минут!

Иван не догадался бы, что здесь текла речка. Истрескавшееся русло пахло не сыростью, а тленом. Он напряг зрение, вглядываясь вдаль. Вода по весне текла слева направо, и не далее, чем в километре отсюда, русло темное от травы. Это добрый знак. Иван — туда.

В горле сухо клокотало: «Только бы не мираж». Уж столько раз Иван обманывался за время скитаний. Вскоре увидел зеленую верблюжью колючку, сорвал несколько кустиков по пути, собираясь их после вымыть и съесть. А через полукилометр добрался до воды.

Это была желтая жижа, ему даже послышалось, что где-то вдалеке квакают лягушки. Изумрудная оправа берега да возможность сытого существования зазвучали в душе сладкой мелодией. Решил так: нацедит воды через материал комбинезона, вскипятит в алюминиевой фляжке, проведет обеззараживание несколькими

таблетками пантоцида и вернется к пленному. Он набрал полные ладони, мочил голову, грудь, пить не решался, хотя терпению подходил конец. «Здесь выживем, здесь вот она, водица, — думал он. — Ух, какая вонючая!»

Торопливо собирал все, что могло гореть — старые стебли травы, былинки. Костерок запылал жарко, в нем лежала солдатская фляжка с отвинченным колпачком, заполненная нацеженной водой. Скоро из горлышка запарило, забулькало. Натянув рукав куртки на кулак, выхватил фляжку и в тину ее, так быстрее остынет. А сам чуть ли не терял сознание. Сверху дул на воду, кидал маленькие таблетки, бултыхал, чтобы растворились, брался за горлышко, потом пил вонючую гадость, обжигаясь, давясь, не проливая ни капли. Кадык на грязной, небритой шее ходил челноком, то проявляясь в середине, то пропадая под подбородком. Восемьсот грамм воды кончились в один миг. Он налил еще, положил в огонь и сел, прислонившись к шершавой плоскости скалы. Затем мгновенно провалился в тишину. Иван спал, ублаженный питьем и уверенностью, что теперь-то у него все в порядке. Сон был чистым, сладким как в детстве. Проснулся часа через два.

Сизые угольки в костре подернулись пеплом. Сверх них лежала булыжником прикопченая фляжка. Потрогал — горячая. Иван пополоскал в речке верблюжью колючку, стал сосредоточенно и тупо жевать. Вяжущий привкус сначала заполнил рот, затем желудок. Иван продолжал есть через силу, пока все тело не превратилось в сплошную отрыжку. И вот тогда он запил из фляжки. Теперь можно не бояться ни тифа, ни желтухи и жить с верой в чудодейственную силу травы, она вылечит, вернет силы. Больше не во что было верить.

Он вспомнил о пленном, который помирал в скалах от жажды, но ноги не желали нести Ивана назад, они хотели бежать вперед. Река, пусть даже пересохшая, выведет к людям. Он ополоснул голову водой из этого болотца и поплелся назад.

(Окончание в следующем номере)